Переход к более щадящему режиму практик ознаменовал начало страшно занятого периода летних каникул. Отныне и каждый день — работа, работа и еще раз работа! В выходные от нее — среду и пятницу — продолжение учения, так что отдыха как такового не предвидится.

Подработка моя заключалась в полной рабочей смене с восьми часов утра до восьми вечера в компании по доставке грузов. Плюс непредвиденные задержки (Что? Какое еще нарушение трудового законодательства в отношении несовершеннолетних? Глупости тут не болтайте!). Мои обязанности заключались в рассортировке грузов и наклеивании бланков на коробки. Еще я иногда помогал с доставкой посылок и разгрузкой вещей при переездах.

— Доброе утро! Я вернулся!

— О-о, Инаба! Вот и ты!

— Давно не виделись!

В офисе меня встретили аплодисментами.

— Ого, ничего себе, Инаба-кун, ты похудел!

— А-а, это… Июль выдался непростым. Но я в полном порядке!

— Это да, на тебя всегда можно положиться.

— Ну не преувеличивайте вы так.

— Ребята, что мы взяли на лето, уже почти все поувольнялись.

— Минус трое.

— Целых трое?!

Когда я заходил в последний день триместра, на складе было пятеро.

— Я с самого начала ожидал нечто подобное. Повелись на высокую зарплату, а тут, оказывается, еще и работать надо.

Штатные грузчики недовольно запыхали сигаретами.

— Опаздывают, как нечего делать, форму носят, как придется, делаешь им замечание — ноль реакции.

— Еще и чуть что не так — сразу заявление на стол. Что, так сложно грузы рассортировать, не понимаю?!

— Хм…

— И это еще не все, Инаба. Ладно, работали вы спустя рукава, но зарплата же почасовая, что-то, но вы все же заработали, придите, заберите, но нет! Уволились — и пропали! Как тебе?!

— Не понимаю я нынешнюю молодежь, чего они от жизни хотят…

— Да уж…

Не зря я почувствовал тогда между директором с грузчиками и временными работниками некую напряженность.

Пока новые сотрудники не вольются в рабочее русло, и им, и их начальству придется пережить немало сложных моментов, но, уже хорошо зная персонал этой компании, я могу смело сказать, что они все терпеливые и понимающие люди. Что же это за временные работники такие были, что довели их до такого ворчания?

— Им бы у тебя поучиться, Инаба!

— Ты молодчина!

Я своим нескрываемым желанием работать пришелся по душе этим трудолюбивым мужикам. Думаю, свою роль сыграла еще их подсознательная симпатия к так называемым трудным подросткам и людям, предпочитающим физический труд умственному, а я так или иначе подходил под оба эти определения. Но особенно сильно к таким ребятам был расположен наш директор.

— О, Юси! Наконец-то явился! — директор Кэндзаки похлопал меня по спине своей мощной дланью.

— Еще раз простите, что из-за меня вам опять пришлось смены менять, директор.

— Глупости, забудь! Из-за такой ерунды у нас тут никто тебе и слова не скажет. Как не пойти навстречу достойному работнику, а?

— Ладно вам, ха-ха…

— Честное слово, вот не понимаю я нынешнюю молодежь, категорически не понимаю!

Неудивительно, что директор был не в настроении, это же он нанял тех пятерых, из которых трое уже уволились, получается, он в них ошибся.

— Неужели все настолько было плохо? С теми ребятами?

Сердитое лицо директора исказилось в недовольной гримасе.

— Безнадега полная.

— Хотя на собеседовании ничего особенного я не заметил, — задумчиво протянул управляющий.

— Так ты и не вникал! Спрашивать конкретно надо было, с какой целью нанимаетесь на работу! Хотя признаю, сам думал, чего особо требовать от ребят, что хотят просто лишних деньжат за лето подзаработать.

— Да они в принципе ни о чем не думали.

— Согласен. Вообще не представляли, куда пришли и на что подписывались. Увидели нули в зарплате и подумали, а почему бы и нет? Не получится — уволюсь, и все дела. В последнее время полно таких вот ребят, совсем головой не хотят думать.

— Придут на работу и встанут на входе. Пока сам им что-то не скажешь сделать, хоть бы кто вопрос задал! А нам что, прикажешь каждый раз им команды отдавать «поди туда, принеси то»? Самим же работать надо! Они же не роботы, в конце концов!

Директор хмуро дымил сигаретой, пока другие работники возмущались и жаловались. В этом отношении он замечательный начальник, всегда готов выслушать мнения подчиненных.

— Как на работу приходить, они опаздывают, а как домой идти, они сама точность!

— А-ха-ха-ха-ха! И не говори!

— Коробок еще целая гора, а они — все, время вышло, я ж на подработке! А когда говоришь им: «Ты ж опоздал», — они в ответ: «Ну так вычтите из зарплаты», нормально, а?!

— Еще и хилые, как цыплята.

— Ага, звонят такие: «Я сегодня не приду, у меня мышцы болят». Обалдели совсем?! А работать кто будет?!

Мне вспомнился недавний спор на тему воспитания в особняке.

У меня тогда мысли были совсем о другом, но отдельные фразы, вроде «избыток информации» и «воображения не хватает», все-таки отложились. Как и реплика Акинэ-тян: «Казалось бы, подумай немного, и все получится, но они банально на это не способны».

— Никакой силы воли!

— Да какая сила воли в нынешнее-то время.

— Время тут ни при чем!

— Точно, точно!

Художник тоже говорил про отсутствие чувства ответственности.

— Сейчас в Японии и без силы воли прекрасно живется. Все доступно, и вещи, и информация. Никаких особых усилий прилагать не надо, — заметил я, и трудяги-грузчики нахмурились еще сильнее.

— Хорошо, когда все легко, — презрительно фыркнул директор.

И хотя я в принципе не против легкой жизни, но…

— Разве это интересно? — вырвалось у меня.

Директор, управляющий и грузчики разом на меня посмотрели.

— Нет, в смысле, ведь легко и интересно — это же разные понятия… так ведь?

Не то чтобы я сам вприпрыжку несся каждый день на подработку. Но, хоть она и тяжелая, я получаю удовольствие от нахождения в теплом коллективе. Это ведь очень важно! Мне нравится физический труд, и деньги я зарабатываю не просто так, а имея конкретную цель. Я знаю, ради чего это делаю, и получаю удовлетворение от работы.

Хлобысь! — директор от души хлопнул меня ладонью по спине.

— Гха!

— Правильно говоришь, Юси! Я наконец понял, почему я нанял тех бестолочей!

— Да?

— Из-за их лиц!

Директор притянул меня к себе, ущипнул за щеку и потянул.

— Ай, больно же!

— У них лица были пустые! Глаза — как стеклышки! Спрашиваешь у них, к примеру, «на что собираетесь потратить заработанные деньги», или «есть ли у вас опыт работы», а они на все отвечали с одним и тем же выражением!

Грузчики тоже с интересом слушали директора.

— И что хочет купить DVD, и что подрабатывал раньше официантом, но быстро уволился, и что будет стараться — а на лице пустота! Я вообще не увидел, чтобы они так хотели этот DVD, или что сожалеют о прошлом увольнении, или что правда будут стараться!

Управляющий закивал.

— Обычно на лице что-то, да отражается. Хоть какие-то эмоции. Человек может заливаться соловьем, но по лицу все равно ясно, что он на самом деле из себя представляет. А у них… ничего.

Директор обвел взглядом лица всех присутствующих и остановился на мне.

— Вот ты мне скажи, Юси, чем они по жизни занимаются? Они вообще из-за чего-нибудь радуются, грустят?

Я не нашелся с ответом.

— Может, жить так и легко, но что интересного в такой жизни, — с чувством произнес директор, и я согласно кивнул.

— Господа, вы долго еще собираетесь в офисе торчать?

Резкий голос бухгалтера Симадзу-сан разорвал повисшее было в помещении задумчивое молчание. Грузчики тут же вскочили.

— Уже убегаем!

Все, и я в том числе, поспешили приступить к работе. Симадзу-сан злить нельзя. На ней держится вся компании (да и страшна она в гневе).

— Директор, вы тоже разберитесь, наконец, с бумагами! Вчера так ни одного документа и не просмотрели!

— Понял, сейчас все сделаю. Считай, уже приступил!

Даже директор Кэндзаки не смеет возражать Симадзу-сан. Хотя она ему в дочери годится. Но, по моему мнению, тот факт, что директор не пользуется без необходимости своим правом старшего, говорит в его пользу.

По дороге на склад я спросил грузчиков:

— Если трое из пятерых уволились, двое, получается, все еще работают?

— Ага. Мало чем от тех отличаются, но еще держатся. Так что не видно и не слышно.

— Это как?!

Те оставшиеся двое, Сасаки и Кавасима, пришли на вечернюю смену со второй половины дня.

При их появлении я подошел к ним и снял кепку:

— Я Юси Инаба. Работаю в дневные смены всю неделю кроме сред и пятниц. Приятно познакомиться!

Оба молча слегка качнули головами. Лица удивленно вытянулись, точно они никак не ожидали, что я вот так подойду и официально представлюсь. В голове промелькнуло: «Назваться сами не пробовали?», — но раздражение быстро сошло на нет, когда я понял, что они просто-напросто не знают, что в таких случаях предполагается представляться в ответ.

Сразу стало ясно, почему штатные грузчики говорили про них, что их «не видно и не слышно». Они почти и ртов не открывали, ладно с мужиками, так даже со мной, близким по возрасту, не

пытались заговорить. И в глаза не смотрели. Дашь им задание — они его выполняют, но закончив, новых не просят и уточняющие вопросы в неясных моментах тоже не задают, так что производительность их оставляла желать лучшего.

Но грузчикам было не занимать терпения. Думают, наверное, все равно скоро распрощаются с ними, как только лето закончится. Теперь я понимал, что имел в виду директор Кэндзаки, когда говорил, что у них «лица и взгляд пустые», но в то же время ситуация не казалась мне такой уж безнадежной. Не то чтобы эти двое на самом деле не желали общаться. Они просто этого не умели. Хотя мне ли их судить, я сам от природы далеко не душа компании, и принуждать их к разговору не собираюсь.

В итоге все наше общение свелось к считанным обменам короткими фразами в процессе сортировки грузов. (Конечно, никто и не говорит, что за работой нужно болтать без остановки, но почему бы и не завязать какой-нибудь непринужденный разговор, часто это даже способствует производительности. Тем более, когда вместе трудятся представители разных поколений: пожилым хочется молодых расспросить и своим жизненным опытом поделиться. В здешнем теплом коллективе подобное — далеко не редкость.) В перерывы и во время ужина они отсаживались в сторонку и не отрывались от мобильных телефонов.

Глядя на них, я, отлично понимая теперь чувства старших грузчиков, качал про себя головой.

Далеко не всем легко дается общение с посторонними, я сам такой, но здесь же не школа, а работа. Одним молчанием из-за недостатка коммуникативных навыков тут не отделаешься.

Но стоит отдать им должное: когда грузчики угостили нас кофе, и я отнес Сасаки и Кавасиме по банке, они не забыли за них поблагодарить. А когда я уточнил, что это от старших коллег, они повернулись к ним и вежливо поклонились. После чего мы, за раз осушив банки, впервые друг другу улыбнулись. Возможно, все дело было во вкусном кофе.

— Эх, хорошая история! — протяжно вздохнули Поэт и Сато-сан.

Вернувшись с подработки и искупавшись, я за вторым ужином рассказал соседям по общежитию о прошедшем дне.

— Хорошо быть молодым! Все чувства накалены! — продолжил Поэт.

А Сато-сан добавил:

— Хорошо быть человеком!

Сато-сан — нежить, жалеющий, что ему не удалось «родиться человеком», поэтому вот уже

многие десятилетия (а может, столетия?) он, притворяясь человеком, переходит с одного места службы в другое. Сейчас работает финансовым директором крупной косметической компании.

— Наблюдать, как дети познают на себе искусство общения… Это так трогательно, просто до слез! — обожающий людей Сато-сан радостно сощурил свои и без того узкие глаза. — Обливаясь потом посреди летней жары, ворочать нескончаемым потоком грузов, чтобы потом от всей души поблагодарить за холодный кофе! Искреннее, ничем не омраченное спасибо! И улыбнуться от его вкусноты… Наверняка и улыбки их были самые что ни на есть настоящие!

— Без души слова ничего не стоят, — заметил специалист по словам.

— В самую точку, Иссики-сан! — Сато-сан и Поэт в порыве чувств крепко пожали друг другу руки.

— Сейчас все больше детей, которые ничего не знают. Информации вокруг них — море, они ныряют в нее, но ничегошеньки не усваивают. Они просто не знают, как это. Их швыряют в этот водоворот данных прежде, чем они успевают научиться их обрабатывать. И они начинают думать, что могут выбирать из них какие-то понравившиеся им обрывки и на них выстраивать собственную личность. Но это страшное заблуждение. Собственную личность можно построить лишь из кирпичиков пережитого тобой опыта, постепенно, ряд за рядом, прямо как сегодня было у тех студентов на твоей подработке.

— Поэтому их слова были от души…

— Я ничего не имею против электронной почты. По работе я с нашими молодыми сотрудниками постоянно переписываюсь, но все равно живого разговора глаза в глаза это не заменит.

— А современные дети не привыкли к разговорам глаза в глаза…

Поэт и Сато-сан развели руками. У меня нет ни мобильного, ни компьютера, поэтому их сетования мне пока плохо понятны.

— Помнишь, Юси-кун, ты рассказывал, как вы на прощанье после средней школы подрались с Хасэ-куном? Вот тебе потрясающий пример общения! Напрямую телом, даже слов не надо! Без глубокого взаимного доверия подобное невозможно.

Поэт и Сато-сан расхохотались. Я тоже засмеялся. Хасэ, кстати, должен уже скоро вернуться из путешествия. Скорее бы.

Со следующего дня меня назначили ответственным за коммуникацию с двумя студентами. То

была идея директора, сделать из меня что-то вроде связующего звена между ними и штатными работниками.

— Молодым все же проще с молодыми! — заявил он.

Таким образом, отныне сначала я получал для студентов указания от старших грузчиков, а затем пересказывал им. Беги к подзывающему тебя начальству, запоминай, несись со всех ног к студентам, передавай, и все это параллельно собственной работе! Будто у меня своих заданий мало! Я, между прочим, сам не большой любитель общения!

Но студенты, похоже, только обрадовались.

Мы с ними продолжали обходиться минимумом слов, друг к другу не приставали (а старшие грузчики в силу возраста все равно невольно лезут в дела молодых), так что эти двое почувствовали себя немного раскованнее.

На смене мы кроме как о работе больше ни о чем и словом не перемолвились, но наступил долгожданный перерыв, я ополоснул под краном вспотевшую голову и только задумался о предстоящем ужине (офис заказывает нам бэнто), когда ко мне подошел Кавасима.

— Мы собираемся за напитками, будешь… чего-нибудь?

Он впервые. Сам. Со мной заговорил.

— Да… Чай, пожалуйста. В бутылке который.

Кавасима молча кивнул, и они с Сасаки ушли.

После этого мы втроем поужинали бэнто в углу склада. Молча. Но тишина меня не напрягала, поэтому насильно заводить разговор я не стал. Хотя, признаюсь, глядя на севших кружком напротив нас грузчиков, громко болтающих и о чем-то смеющихся, я им немного завидовал. Как и Кавасима с Сасаки. До нас то и дело долетали обрывки смешных разговоров взрослых, и я видел, как они периодически тихо фыркали.

Но доев ужин, оба уткнулись в телефоны. Я только дивился, с какой скоростью их пальцы летали над кнопками. Если вы так хорошо умеете болтать сообщениями, что мешает вам столь же резво общаться живьем? Или, может, они лишь с близкими друзьями разговорчивые, а с посторонними не умеют налаживать контакт?

«Современные дети не привыкли к разговорам глаза в глаза», — вспомнились мне вчерашние слова Поэта.

Думаю, у каждого возникают трудности с выражением своих мыслей, с поддержанием беседы, но ведь сообщениями у них это как-то получается? Почему? Или раз передав что-то письменно, они подумали, что так проще, и с тех пор стали все больше общаться текстами, и все меньше открывать рты? Для меня, не имеющего телефона и компьютера, то было самое простое объяснение.

Смотря на Кавасиму и Сасаки, я понимал, что они не глупы, то есть умеют изъясняться, и с ними можно о многом поговорить. Думаю, они и сами не прочь пообщаться. Тут мы как раз с ними отличаемся. Но при всем при этом, хотя они без остановки строчат сообщения, оказавшись перед живым человеком, они точно воды в рот набирают. То ли не любят говорить с незнакомыми, то ли считают это ненужным… То ли на самом деле банально не привыкли к разговорам глаза в глаза.

Но как они в дальнейшем жить собираются? Во взрослой самостоятельной жизни коммуникативные навыки — самое главное. Хочешь не хочешь, а придется и знакомиться с новыми людьми, и общаться с теми, кто тебе не нравится.

В первом классе средней школы, после смерти родителей, я это очень хорошо на себе прочувствовал. И не скажу, что у меня так уж здорово получалось. Если бы не Хасэ… и если бы не переезд в Особняк нежити, я бы, наверное, так и не познал, как это здорово, беседовать с разными людьми, и как это важно для построения собственной личности.

Поэтому я очень хорошо понимал, какой глубокий смысл вкладывал Поэт в свои слова: «Этому нельзя научить. Можно лишь постигнуть на собственном опыте, медленно, постепенно».

— Я все! До свидания!

С окончанием смены я подошел к студентам и, сняв кепку, попрощался. Те, последовав моему примеру, тоже сняли кепки, кивнули и попрощались.

Когда я в офисе отмечался в рабочем журнале, мне на ухо шепнул один из грузчиков:

— Ты бы хоть в перерывах от роли няньки отдыхал, ужинал бы с нами, Инаба.

Старшие работники за меня переживали, думали, что мне с молчаливыми студентами скучно. Но я помотал головой.

— Все в порядке. Мы понемногу продвигаемся.

— Да ну?

— Поэтому у меня к вам небольшая просьба.

— О? И какая?

* * *

— Эх, и сегодня славно поработали!

Поднимаю глаза к вечернему небу и чувствую, как к подбородку скользнула капля пота. Несмотря на поздний вечер, жара и влажность спадать не собираются. Скорее в прохладный особняк и в термальный бассейн! Я энергично взмахнул пустым боксом из-под бэнто. Внутри застучали палочки.

— С окончанием очередного трудового дня, господин! — из бокового кармана рюкзака высунулось маленькое лицо Фула.

— Ага.

— Ваша аура так красиво светится! И тело, и дух ваш пребывают в довольствии. Как ваш скромный слуга, я преисполнен радости.

Я сдержал смех, чтобы прохожие ничего странного не подумали.

И тело, и дух пребывают в довольствии… что ж, все именно так. Я устал, и физически, и психологически, но чувствую удовлетворение от хорошо сделанной работы.

— Все-то ты понимаешь, Фул, — в полголоса заметил я.

Фул, точно оперная дива, сложил на груди руки и горделиво заявил:

— Разумеется! Для нас, ваших преданных слуг, считывать настроение своего господина — это как нечего делать!

— Бха-ха-ха-ха!

Я все-таки не выдержал и расхохотался, и на меня тут же начали оглядываться. Спокойно,

держи себя в руках. Но все-таки иногда стоит вызывать своих «слуг», а то они от безделья совсем заскучают.

Дня через два-три.

Вечером за раз привезли около трехсот коробок, которые нужно было срочно рассортировать и доставить адресатам.

Как назло, двое грузчиков были на больничном, а на нас накатывали все новые и новые цунами грузов, и голова уже совсем не хотела работать. Но прохлаждаться времени категорически не было!

— Я понимаю, это срочно, но аккуратнее с коробками! — разнеслось по складу грозное предупреждение директора Кэндзаки. Он сам, сняв галстук и закатив рукава рубашки, наравне со всеми таскал грузы.

— Понял! — ответили мы все нестройным хором.

Прежде всего, сортировка. Сверяешься с квитанцией на коробке и распределяешь их, согласно адресатам и номерам товаров, затем уносишь в грузовики.

Директор, старшие грузчики и мы с Кавасимой с Сасаки молча работали в поте лица. Наконец, от горы коробок ничего не осталось, мы уложились в срок.

— Счастливого пути!

Глядя вслед удаляющемуся грузовику, я едва стоял на ногах. Кавасима и Сасаки сидели в углу склада, без сил привалившись спинами к стене.

— Ну, всем спасибо! Отлично потрудились, молодцы! — довольно улыбаясь, похвалил директор Кэндзаки. Сам весь взмыленный, рубашка прилипла к телу, но стоит, как герой, широко расставив ноги и горделиво расправив плечи.

Симадзу-сан прикатила тележку с большим металлическим тазом, полного льда и охлажденных банок с чаем и кофе. При виде этого мы все чуть не скончались от благодарности и готовы были боготворить нашего бухгалтера. Кофе, само собой, был вкусен, но и охладить льдом перегревшуюся голову было невероятно приятно!

— А-а-ах… — раздался отовсюду стон, точно мы погрузились в термальный источник. На лицах Кавасимы и Сасаки, обтирающих лица и шеи полотенцами со льдом, тоже растеклось

блаженное выражение.

— Вы простите, ребята, не смог отказать знакомому, — смущенно почесал голову директор.

— Ага, я так и думал! Так и знал! — заулыбались в ответ грузчики.

— Зато теперь он мой должник! А-ха-ха-ха! — и директор с наслаждением осушил банку с холодным кофе. — Ну что, на сегодня с доставкой все, рановато еще, но можете расходиться по домам. Парни с подработки, в журнале не отмечайтесь, я вас потом сам внесу, по времени.

Кавасима и Сасаки обрадовались… или, точнее будет сказать, удивленно округлили глаза, точно подумали: «Что, правда?», — после чего склонили головы.

— Спасибо!

Взрослые, заметив эту заминку, не сдержали усмешек.

— Да, Юси, тебя это тоже касается, все равно ты уже за свою смену вышел, я тебе полный день проставлю.

— Ух ты, спасибо большое! — я выпрямил спину и низко поклонился.

Всякий добросовестный труд заслуживает поощрения. Надеюсь, Кавасима и Сасаки сегодня на себе это прочувствовали. По крайней мере, лица у них были расслаблены, и хоть выглядели они усталыми, но в то же время довольными.

Новый личный опыт — это не только важно, но и радостно.

Но… На следующий день…

Точно подгадав время начала смены Кавасимы и Сасаки, из офиса вышел директор, до того момента сидевший там безвылазно с самого начала рабочего дня.

— Всем еще раз спасибо за вчера. Заказчик благодарит за сортировку и доставку. Но, похоже, с качеством доставки мы не справились на все сто процентов.

Он говорил тихо, и я невольно подумал, что дело, похоже, серьезное.

— Где-то в срок не уложились? — спросил кто-то, но директор помотал головой.

— Несколько некантуемых коробок оказались перевернуты.

Все в ужасе застыли.

Старшие грузчики принялись растерянно переглядываться. У всех на лицах читалась одна и та же мысль: «Неужели я мог так сглупить?». Я тоже стал судорожно припоминать собственные действия за вчерашний день.

Действительно, было несколько коробок со знаками «Не кантовать». Я это помню. И взять и перевернуть их вопреки здравому смыслу не мог. Но спроси меня сейчас кто-нибудь: «Ты точно их не переворачивал?», — и я, пожалуй, не смогу ответить со всей уверенностью. Ведь это настолько очевидно, что ты делаешь это (точнее, не делаешь) на полном автомате. А забыться и не обратить внимания в спешке — вполне возможно.

В этот момент кто-то из грузчиков повернулся к Кавасиме и Сасаки.

— Эй, это вы же отвечали за сортировку некантуемых коробок?

Оба студента озадаченно молчали. Затем начали коситься друг на друга и шевелить губами, точно не решаясь заговорить.

— В чем дело?

Наконец Кавасима боязливо спросил:

— А… что такое «некантуемые» коробки?

— Что?!

Директор и грузчики в буквальном смысле на них вылупились (я, собственно, тоже).

Не ожидал… Да нет, что там, для меня это стало настоящим шоком. Как можно было не знать, что такое некантуемые коробки? Тем более на такой работе, как наша? Пусть подобные грузы попадаются не каждый день, но все равно, бывают же! И потом, я искренне считал, что это все знают.

— Теперь понятно… — Директор поморщился.

И тут.

— Простите меня, директор! — склонил голову в извинении Ямасина-сан по прозвищу «Яма-сан». — Это я не объяснил им про некантуемые грузы. Мне очень жаль, что из-за моей оплошности я доставил неприятности и вам, и заказчику.

Яма-сан вчера работал вместе с нами, ребятами на подработке, в одной группе сортировщиков. Другими словами, был нашим начальником. Услышав его извинения, я тоже не смог остаться в стороне, ведь это мне поручили наладить контакт со студентами.

Я снял кепку, встал рядом с Яма-саном и молча склонил голову. Кавасима и Сасаки с небольшой заминкой, но все же последовали моему примеру.

— Хм… — Директор шумно выдохнул через нос. — Ну, не то чтобы все некантуемые коробки оказались перевернуты. Где-то пять или шесть штук. Повреждений было по минимуму, так что, можно считать, повезло. Но чтобы больше такого не было, ладно?

И он вернулся в офис.

Управляющий мягко произнес:

— Ну все, за работу, ребята.

— Есть.

Все как ни в чем не бывало приступили к своим обязанностям.

Яма-сан обратился к Кавасиме и Сасаки, которые, судя по растерянным лицам, все еще плохо понимали, что именно произошло.

— Некантуемые грузы — это такие коробки, на которых есть специальные знаки, что их нельзя переворачивать. Такие красные с двумя стрелками вверх, видели?

Двое студентов кивнули.

— Если вы что-то не понимаете или вам кажется что-то странным, не стесняйтесь, спрашивайте, ладно? Того же Инабу.

Они пообещали, но в их тоне не было понимания или раскаяния. Все та же растерянность.

Ни Яма-сан, ни другие грузчики, ни, естественно, я, больше эту тему не затрагивали. Работали, как всегда, и как всегда сели ужинать.

Но уже под конец перерыва Сасаки вдруг заговорил.

— Скажи… Раз повреждения все-таки были, получается, мы за них должны заплатить?

«Тебя только это волнует?» — подумал я, но вслух сказал:

— Наш директор из-за такой ерунды заморачиваться не будет. Не переживай.

Сасаки облегченно выдохнул и после небольшой паузы немного смущенно протянул:

— Я ведь еще думал, что такое «некантуемые грузы»… Но спросить и мысли не возникло.

— Хм…

В этом-то как раз и проблема! И как прикажете с ними, такими, разговаривать?

— Знаете, как-то раз у нас в начальной школе, — подумав, начал я, — один мальчик во время уборки стал дурачиться, ему дежурный сделал замечание, а он продолжал метлой размахивать и в конце концов разбил окно. Понятное дело, прибежал учитель, стал кричать. А тут этот дежурный говорит: «Это я его вовремя не остановил. Я виноват. Простите, пожалуйста». В общем, извинился еще раньше виновника.

Студенты молча меня слушали.

— У учителя весь настрой сбился, он даже ругаться перестал. Сказал только, чтобы они все убрали, и ушел. Дежурный, конечно, действительно был в чем-то виноват, но все равно, получается, в первую очередь он защищал того мальчика, что разбил стекло.

Видимо, в памяти Кавасимы и Сасаки вспыли недавние извинения Яма-сана.

Студенты опять начали друг на друга коситься и неуверенно шевелить губами.

— Думаешь… стоит поблагодарить… Яма-сана?

Я коротко кивнул.

Даже идиотов, если только, конечно, они не совершат ничего непоправимого, можно простить.

Любые трудности и глупости, тревогу и гнев — если в будущем они станут приятными воспоминаниями, значит, они были не зря.

Кстати говоря, тем дежурным был Хасэ.

Я не врал насчет того, что он извинился вместо того болвана, но Хасэ сделал это вовсе не затем, чтобы его выгородить, а, как он сам сказал, чтобы у того теперь «был перед ним должок». Но Кавасиме и Сасаки это знать совсем не обязательно.

http://tl.rulate.ru/book/98654/3346023